

В. С. Соловьев

Юный император

Роман-хроника в 3-х частях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
С60

С60 **Соловьев В.С.**
Юный император: Роман-хроника в 3-х частях / В. С. Соловьев – М.: Книга по Требованию, 2018. – 408 с.

ISBN 978-5-518-07057-8

Юный император. Роман-хроника в 3-х частях. С портретом императора Петра II

ISBN 978-5-518-07057-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2018

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2018

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

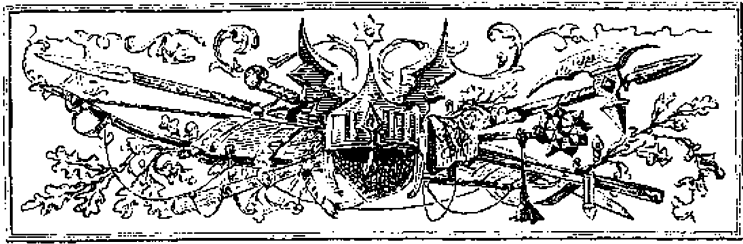
Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I

Роскошный домъ князя Александра Давылыча Меншикова, что на Васильевскомъ островѣ, представлялъ необыкновенное оживленіе. Съ утра до ночи толпа осаждала его, подъѣзжали всевозможные экипажи. у всѣхъ входовъ и выходовъ помѣщались караулы гвардіи.

Дѣло въ томъ, что вотъ уже больше двухъ мѣсяцевъ, почти съ самой кончины императрицы, въ этомъ домѣ имѣлъ пребываніе малевъкій императоръ.

Свѣдѣннѣйшій князь Меншиковъ—когда-то бойкій уличный мальчишка, потѣшнѣй товарищъ Петра, потомъ знаменитый его сподвижникъ, „дитя моего сердца“, по выраженію покойнаго императора, почти полноправный хозяинъ Россіи въ царствованіе Екатерины I. теперь уже не вѣдалъ надъ собой ничьей власти и ничьего контроля. Хотя, согласно екатерининскому завѣщанію, онъ обязанъ

— —

былъ вершить всё дѣла съ согласіемъ Верховнаго Совѣта, но, конечно, это только было на словахъ, а на дѣлѣ онъ управлялъ Россіей какъ ему вздумается. Да и кто могъ ему противиться? Его дочь была объявлена невѣстой Петра II. Ему никто не могъ воспрепятствовать перевести императора къ себѣ и такимъ образомъ отстранить отъ него всякое постороннее вліяніе...

Было славное чѣтнее утро. Стали поговаривать о переездѣ двора въ Петергофъ; покуда еще городская жизнь шла своимъ порядкомъ; учителя аккуратно приходили давать уроки императору и теперь только что одинъ изъ нихъ вышелъ изъ его апартаментовъ.

Петръ II сидѣлъ за рабочимъ столомъ, окруженный бумагами, чертежами и всевозможными математическими инструментами, — ему нужно было приготовиться къ слѣдующему уроку. Но онъ видимо скучалъ за своимъ дѣломъ; онъ посматривалъ въ окно на Неву, по которой мелькали лодки, и петербургливо прислушивался, очевидно ожидая кого-то.

Второму русскому императору недавно исполнилось двѣнадцать лѣтъ, но онъ казался старше своего возраста. Поляный, высокій, съ необыкновенной бѣлизны лицомъ, съ прекрасными голубыми глазами, онъ невольно обращалъ на себя вниманіе; напудренный, завитый мелкими буклями парикъ, по модѣ того времени, еще больше выдѣлялъ красоту этого лица. Петръ былъ похожъ на свою мать, „кронпринцессу“ Шарлотту, и ничего не пахлѣдовалъ отъ отца, царевича Алексѣя.

Вотъ въ сосѣдней комнатѣ послышались шаги. Дверь быстро отворилась и на порогѣ показалась небольшая женская фигура. Вошедшая дѣвушка была тоже почти ребенокъ и въ ней сразу замѣчалось сходство съ импе-

раторомъ. Хотя она была совсѣмъ вехороша, съ неправильными чертами лица, но глаза ея сіяли необычайной добротой и обнаруживали присутствіе мысли и даже какой-то недѣтской задумчивости: улыбка ея привлекала къ себѣ всѣхъ, кто ни смотрѣлъ на нее.

Войдя въ комнату императора, дѣвушка окинула ее быстрымъ взоромъ и увидѣвъ, что нѣтъ никого, съ слабо вспыхнувшимъ румянцемъ на блѣдныхъ щекахъ подбѣжала къ Петру и охватила его шею своими тонкими руками.

— Наташа. радостно выговорилъ императоръ, — я давно жду тебя! Я думалъ, ты не придешь, хотя Андрей Иванычъ и сказалъ мнѣ, что ты будешь навѣрно.

— Меня задержали, отвѣтила великая княжна Наталья, — но вѣдь ты знаешь, что если я чтонибудь тебѣ обѣщаю, то всегда и исполню.

— Ахъ, сестрица, печально прошептала Петръ, — отчего ты не живешь со мною? меня въ послѣдніе дни просто замучили совсѣмъ эти противные уроки. Посмотри, какая славная погода: по Невѣ хочется покататься, а Александръ Данилычъ не пускаетъ. все учиться. да учиться...

— Ну вотъ погоди. погоди, улыбаясь заговорила сестра, — скоро переѣдемъ въ Петергофъ, тамъ будетъ больше свободы. Андрей Иванычъ сказалъ, что все ужъ приготовлено къ нашему переѣзду. Вѣдь ты любишь Петергофъ, — помнишь какъ весело было при бабушкѣ? Ну вотъ и опять будемъ устраивать разные праздники, маскарады; самъ знаешь, какая Лиза на это мастерица!

При этомъ имени яркая краска разлилась по щекамъ маленькаго императора.

— А что же Лиза, зачинаясь спросилъ онъ. — она не прѣхала съ тобою?

— Нѣтъ, но она будетъ, она обѣщала за мной заѣхать.

Дверь опять отворилась и вошелъ плотный человекъ средних лѣтъ, съ крупнымъ, нѣсколько женственнымъ лицомъ, съ мягкими и вкрадчивыми манерами.

— За дѣломъ, государь, сказалъ онъ кланяясь императору. — это хорошо. Поучитесь, поучитесь — отдохнуть будетъ пріятнѣе.

— Эхъ, Андрей Ивановичъ, да сланикомъ ужъ много ученья! вотъ сестрица прѣхала—съ ней бы побить хотѣлось. Неужто-жъ нельзя отказать учителю хоть на сегодня?

Вошедшій улыбнулся.

— Я бы пожалуй отказалъ ему—хотя онъ уже тутъ дожидается. — да что скажетъ князь Александръ Давидычъ?

— Александра Давидыча нѣтъ дома, и видѣлъ самъ какъ онъ уѣхалъ. Голубчикъ, Андрей Ивановичъ, скажите учителю, что мнѣ некогда, что я дѣломъ занятъ. Александръ Давидычъ не узнаетъ даже когда вернется, — кто ему скажетъ?

— Ну хорошо, хорошо, я пойду, отвѣтилъ Андрей Ивановичъ; — только вы ужъ попросите царевну, чтобы она за меня заступилась, если князь будетъ сердиться.

И Андрей Ивановичъ Остерманъ вышелъ изъ комнаты.

— Какой добрый этотъ Андрей Ивановичъ, оживленно заговорилъ императоръ, обращаясь къ сестрѣ. — Вотъ если бы онъ всѣмъ распоряжался — не такая была бы наша

жизни! Онъ бы не сталъ меня мучить и разлучать съ тобой, сестрица.

— Да, Андрей Иванычъ добрый человекъ, онъ насъ душевно любитъ, я ему вѣрю — задумчиво проговорилъ царевна, — а князю не вѣрю. Я боюсь его и знаю, что онъ насъ не любитъ.

— Видѣла ты сегодня княжну, мою невѣсту? злобѣ сверкнувъ глазами, спросилъ Петръ.

— Да, я сейчасъ встрѣтилась съ нею. Она была хотѣла идти за мною сюда, да ее позвали.

— Вотъ еще свидаль! поговорить не дадутъ какъ слѣдуетъ. Знаешь что, сестрица! сначала еще ничей было, а теперь просто мнѣ противно глядѣть на нее — на эту мою невѣсту! Посмотри, какое у нея длинное лицо, какъ есть у Александра Давылыча. все мнѣ такъ и кажется, что это онъ передо мною когда я говорю съ ней.

Царевна ничего не отвѣчала и грустно глядѣла своими большими глазами, не мигая. Она вздохнула, е все-же ничего не сказала.

— Натаненька, что-же это такое? Я вотъ сегодня ночью проснулся, все думалъ: какъ-же это будетъ — какая же это невѣста, когда она мнѣ противна и я не глядѣлъ бы на нее никогда. . Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ умерла бабушка! Она была добрая, я все бы сказалъ ей. Можетъ быть она и не дала бы меня въ обиду.

— Да вѣдь все это, Петруша, было еще при бабушки рѣшено; развѣ ты не помнишь, какъ она слушала Александра Давылыча.

— Да, слушать то, слушалась, а только я знаю, что меня все же бы въ обиду не дала. Бабушка, когда надъ за себя и за насъ постоять умѣла.

Но на этотъ разъ видно не суждено было юному императору по душѣ поговорить съ любимой сестрой. Дверь снова растворилась и въ комнату вбѣжала раскраснѣвшаяся и запыхавшаяся дѣвушка лѣтъ семнадцати.

Петръ кинулся къ ней на встрѣчу и остановился передъ нею весь красный, сіяющій лучезарной улыбкой. Онъ нѣсколько мгновеній даже не могъ сказать ни слова и только смогрѣлъ на вошедшую. Да и дѣйствительно было на что посмогрѣть. Эта дѣвушка была въ полномъ смыслѣ слова красавица: высокая, полная, стройная, съ роскошными темно-золотистыми волосами, живыми голубыми глазами и ослѣпляющей улыбкой на румяномъ, нѣжномъ лицѣ, она производила впечатлѣніе свѣтлаго дня, живой, радостной жизни. Казалось, что она улыбается всѣмъ существомъ своимъ, и эта прелестная улыбка не могла изгладиться изъ памяти разъ взглянувшего на нее.

— Тетушка, дорогая, спасибо что заглянула, — наконецъ проговорилъ Петръ, кладя свои нѣжныя бѣлыя руки на плечи дѣвушки и крѣпко ее цѣлуя.

— Ай, ай, племянничекъ, ты опять такъ больно цѣлуешься, того и гляди кровь изъ губъ пойдетъ! Скажи-ка, что за уши буду драть, если станешь такъ цѣловаться...

И цесаревна Елизавета Петровна взяла хорошенькаго племянника за ухо и стиснула такъ изрядно, что онъ даже сдѣлалъ неприятную гримасу отъ боли.

— Чай все лѣнишься, снова заговорила она, — небось гулять хочется! Посадили молодца на веревочку, на день-то, день-то какой, Боже мой, такъ вотъ пѣть и

хочется!! Встрѣтила я твоего звѣря-цербера — ѣдетъ себѣ и ни на кого не смотреть.

Тутъ она сейчасъ же и представила, какъ ѣдетъ звѣрь-церберь. И Петръ, и царевна Наталья не могли не разразиться неудержимымъ хохотомъ.

Подъ звѣремъ-церберомъ подразумѣвался, конечно, князь Александръ Давылычъ, и цесаревна Елизавета изъ своего прелестнаго лица съумѣла мгновенно сдѣлать живое подобіе его сухой и горделивой фигуры.

— Что это ты тутъ поддливаешь! сказала Елизавета подбѣжавъ къ рабочему столу императора, — цифирь все, да глухая фигурки. Видно умны теон учителя, да не очень. — зачѣмъ тебѣ все это? Да вотъ погоди, постой — разомъ тебѣ все это запачкаю

— Ай, ай, не трогай. Лизанька, что ты это, вѣдь мнѣ же уже достанется.

Но цесаревна не слушала. Она схватила карандашъ и рядомъ съ какой-то геометрической фигурой во мгновение ока нарисовала каррикатуру

Петръ и цесаревна Наталья взглянули и опять залились громкимъ смѣхомъ: въ каррикатурѣ они узнали того-же звѣря-цербера.

Но Петръ скоро прекратилъ свой смѣхъ и, даже по блѣднѣвъ немного, принялся тщательно вычеркивать каррикатуру.

— Что еслибъ увидѣлъ, что еслибъ увидѣлъ! озабоченно шептала она, — тогда, пожалуй, прощай и Па-тергофъ; да и васъ ко мнѣ пускать не стали бы.

— Ну, желала бы я посмотреѣть, кто бы меня и пустил! сказала Елизавета съ презрительной мнякой, — а знаете? Вотъ вамъ Христось, что и сегодня звѣри

церберу на улицѣ языкъ высунула. Видѣть, или нѣтъ— я не знаю, а только высунула!

— Вѣдь ты безстрашная Лиза, замѣтила царевна Наталья — только не знаю, хорошо ли это; какъ бы за такіе твои поступки для тебя же худо не вышло.

— Да, озабоченно проговорилъ и Петръ, — вотъ мы тутъ смѣемся и думаемъ, что никто насъ не слышитъ, а того и жди у двери чье-нибудь ухо, — я ужъ не разъ замѣчалъ, что меня подслушиваютъ.

Елизавета подкралась къ двери, быстро ее отворила, но тамъ никого не было.

Еще нѣсколько минутъ продолжалась оживленная бесѣда въ рабочей комнатѣ императора. Цесаревна Елизавета перебрала и пересмотрѣла все предметы, каждую книжку, каждую тетрадь и сопровождала этотъ осмотръ своими веселыми шутками, гримасками и передразниваньями. То изображала она какого-нибудь учителя, то вдругъ заговорила голосомъ Остермана, копировала его жесты и манеры, да такъ удивительно, что самъ онъ, войдя въ комнату, и заставъ ее врасплохъ, не могъ не улыбнуться.

— Вотъ вы чѣмъ тутъ занимаетесь, ай принцесса — и вамъ не грѣхъ подымать на смѣхъ вашего вѣрнаго слугу! Только все равно я буду просить васъ прекратить эти шутки — не обиды ради, я не обидчивъ, а потому, что тамъ князь Александръ Данилычъ вернулся и сюда шествовать изволить.

Елизавета мгновенно притихла, а у Петра даже лицо вытянулось.

Меншиковъ не заставилъ себя долго ждать. Медленно, важной походкой вошелъ онъ въ комнату.

Другъ Данилычъ, дитя сердца Петрова, уже значительно измѣнился и постарѣлъ въ это время. Его сухое

лицо приняло выраженіе необыкновенной надменности, презрительности, ему уже не передъ кѣмъ было склоняться, завскивать и извертываться. При взглядѣ на него сразу можно было замѣтить, что это человѣкъ, научившійся повелѣвать и властвовать, невидящій передъ собой никакой преграды.

Непріятнымъ, прозительнымъ взглядомъ оглядѣлъ онъ присутствующихъ.

— А я чаялъ, что ты за дѣломъ, ваше величество, проговорилъ онъ, положивъ свою сухую, жилистую руку на плечо императора; — по росписанію-то теперь урокъ математики. Гдѣ же учитель?

Петръ вспыхнулъ и опустилъ глаза. Рука Меншикова давила его какъ пудовая тяжесть, и онъ не находилъ словъ, чтобы отвѣчать ему.

— Чего же ты смотришь, Андрей Ивановичъ, обратился Меншиковъ къ Остерману. — нельзя потакать лѣни. Эхъ, дѣда-то нѣту, онъ бы эту лѣнь дубинкой выгналъ отсюда.

Цесаревна Елизавета уже давно вертѣлась на мѣстѣ, очевидно желая свернуть свое слово.

— Да не ворчи, не ворчи, князь, наконецъ засмѣялась она, думая взять шуткой и лаской. — тутъ виноваты не Петруша, а вотъ мы съ царевной Натальей. Ну, а на насъ не подвиглась бы и отцовская дубинка.

Меншиковъ кисло улыбнулся.

— Съ васъ взять нечего, сказалъ онъ. — я отъ васъ отступился, а за него и Богу отвѣтъ отдать долженъ.

— Да я и такъ сегодня много учился, прошептала Петръ. — вотъ сестрица говоритъ: день сегодня такой славный — погулять бы хотѣлось.

— Погулять, все гулять, — ворчала Меншиковъ, — еще

успѣешь, ваше величество, въ Петергофѣ прогуляться. А въ послѣдніе-то дни не мѣшало бы хорошенько поучиться.

— Да вѣдь онъ и говорить, что съ утра занимался, тихимъ голосомъ сказала Наталья Алексѣевна, — и за работой его и застала. Будьте ласковы, князь, опустите его покататься съ нами.

— Всему свое время, царевна, наставительнымъ тономъ замѣтилъ Меншиковъ. — Не хочу огорчать васъ, но просьбу вашу не исполню. Андрей Ивановичъ, позови учителя. А васъ, царевны, мои дочери ждутъ.

Онъ указалъ имъ рукой на дверь съ такимъ жестомъ, который исключалъ всякую возможность сопротивленія.

Всѣ вышли и Меншиковъ остался съ глазу на глазъ съ императоромъ.

— Ну, покажи, что ты тутъ дѣлалъ, обратился онъ къ нему, — готовъ урокъ?

Онъ наклонился къ столу и сталъ разглядывать исчерченный листъ бумаги.

— Это что, только-то? Да что тутъ такое — кто тутъ напачкалъ? Что зачеркнуто?

— Ничего. это такъ... я ошибся, прощенталъ Петръ.

— То-то ошибся, безъ моего вѣдома и разрѣшенія всѣхъ пускаютъ въ учебное время. Смотри, государь, учишься хорошенько сегодня, я всю правду отъ учителя узнаю.

И не взглянувъ на Петра, своими тяжелыми, мѣрными шагами Меншиковъ вышелъ изъ комнаты.

Крупныя слезы показались на свѣтлыхъ глазахъ юнаго императора.

— Что-же это такое, шепталъ онъ самъ съ собою, — что ни день, то онъ люте становится. Неужели такъ